

Рудницкая С.Ю. Мифологические аспекты конструирования опыта. *Досвід особистості: теорія і практика. Збірник матеріалів ІХ Міжнародної науково-практичної конференції (27-28 лютого 2020 р., м. Ніжин) / за ред. М.В. Папучі. Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2020. [283 с.] С. 227-232.*

Рудницкая С.Ю.

доктор психологических наук, доцент, заведующая лаборатории когнитивной психологии Института психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины,
г. Киев, Украина

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОПЫТА

Миф как фундаментальный культурный концепт в современном гуманитарном знании требует своего пересмотра в контексте постнеклассической научной рациональности. Множественность артикуляций феномена мифа обусловлена самой спецификой его природы (диффузностью, синкретичностью, нерасчлененностью, целостностью, конкретностью, тотальностью персонификаций, образностью, дорефлексивностью, амбивалентностью, многомерностью и т. д.) и при этом категорической нередуцированностью к частным, дифференцированным культурным модусам или способам бытия.

Эволюцию представлений о сущности мифа можно схематически очертить как траекторию движения смыслового наполнения исследуемого феномена от дорефлексивного примитивного способа восприятия мира первобытным человеком до признания его "внеисторической" динамической категорией, неотъемлемой структурной составляющей индивидуального и коллективного опыта.

Под мифом мы будем понимать наиболее древние и устойчивые формы организации и трансляции социокультурного опыта и механизма регуляции человеческого поведения, актуальные для любого типа культуры. В основе мифологической формы организации индивидуального и группового опыта лежит непосредственный, "чувственно-рефлексивный" (В.В. Балановский), созерцательный (первичный бытийственный способ переживания мира в его целостности) продуктивный способ миропостижения (Ю.М. Швалб).

Специфика мифа как механизма регуляции поведения человека, прежде всего, заключается в неразрывности парадигмальности (образцовости) поведения и обоснования смысла этого поведения (действия, поступка), всегда выходящего за рамки индивидуального и даже социального опыта (высшая осмысленность), вследствие чего для личности внутри мифа снимается проблема мотивации поведения.

Основной культуротворческой функцией мифа является смыслообразующая, которая реализуется через мировоззренческий,

когнитивный, коммуникативный, регулятивный, аффективный и развивающий функциональные комплексы.

Обращение к герменевтической парадигме, позволяющей рассматривать воспроизводство социокультурного опыта через взаимодействие с текстами культуры, дает возможность 228 проблематизировать мифопорождение как многоуровневый коммуникативно-семиотический процесс порождения и трансляции мифов субъектами социального бытия – процесс формирования, актуализации, аккумуляции, упорядочивания, передачи мифов (мифоподобных конструктов) культурой и их дальнейших интерпретаций и реинтерпретаций личностью, который перманентно функционирует в социокультурном пространстве/времени и способствует конструированию как социокультурной, так и внутренней реальности человека [2].

Актуальную стадию мифопорождения мы предлагаем проблематизировать как нарративную [1], как стадию воспроизводства квазимифологических, неомифологических нарративов, концептуальные основы исследования которых составляют положения нарративной психологии. Несмотря на многочисленные исследования проблемы наследования смысловых и формальных структур архаического мифа нарративными формами современных неомифологических конструктов, вопрос о характере и степени этой взаимосвязи на сегодняшний день остается открытым.

Анализируя мифотворчество XX и начала XXI столетий, некоторым ученым трудно устоять перед соблазном отождествить мифы новейшего времени с архаическими мифологиями. Однако такое отождествление чревато сокрытием важнейших отличий. Совпадая в ряде случаев по глубинной структуре, современные неомифологические нарративы отличаются от архаических мифов как генезисом, так и прагматикой. Как известно, архаические мифы возникали стихийно, чего нельзя сказать о большинстве неомифов.

С точки зрения Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, З.Г. Минц, возродившийся в интерес к мифу проявляется в следующих формах. Прежде всего, прослеживается восходящая к романтизму прогрессирующая тенденция использования мифологических образов и сюжетов, вследствие чего создаются многочисленные стилизации и вариации на темы, задаваемые мифом. В то же время, искусство неевропейских народов (Африки, Азии, Южной Америки) приобретает статус не просто "эстетически полноценного", а и, в определенном смысле, "высшей нормы", что, в свою очередь, обуславливает повышение интереса к их мифологии. Параллельно происходит пересмотр воззрений и на европейский национальный фольклор. В последний период наблюдается также выраженная тенденция к конструированию "авторских мифов". В современной культуре объектом мифологизирования становятся не только "вечные" темы (одиночество, любовь, смерть, поиск смысла жизни), но и различные коллизии обыденной действительности: урбанизированный мир отчужденной личности, ее

предметное и виртуальное окружение, пространство провинциальной стагнации. Экспрессионизм и, особенно, "неомифологическое" искусство XX в. окончательно закрепили связь мифологизирующей поэтики с основными проблемами современности [3].

229

Черты мифологического мышления (например, конкретно-чувственное и персональное выражение абстракций, символизм, идеализация "раннего" времени как "золотого века", настойчивое предположение целесообразной направленности всего происходящего) наблюдаются в массовом сознании, политических и идеологических системах, в художественном поэтическом творчестве. Можно говорить о том, что мифопорождение становится своего рода индустрией.

Современный неомиф создается заново как конкретно-историческая форма существования мифа в новое время. Таким образом, неомифологизм не предлагает новую интерпретацию мифа, а показывает его новое проживание в новых социокультурных реалиях.

Однако строгого определения границ мифологии на сегодняшний день не существует. Согласно Ю.М. Лотману и З.Г. Минц, мифы можно отнести к текстам с доминированием недискретного начала [3]. С точки зрения авторов, принцип изоморфизма в своем предельном проявлении сводит все возможные сюжеты к Единому Сюжету, который инвариантен всем мифоповествовательным возможностям и всем эпизодам каждого из них, вследствие чего все многообразие социальных ролей в реальной жизни на уровне мифологического кода "свертывается" в один единственный персонаж. Характеристики и свойства, которые в немифологическом тексте выступают как контрастные и даже противоречащие друг другу (например, воплощающиеся во враждебных персонажах), в границах мифа могут воплощаться в одном амбивалентном образе. Являясь непосредственной формой человеческого бытия, миф, очевидным образом, нуждается в своем опознании, а не в повествовании о нем. В этом смысле "мифов-нарратив" никогда не было и не могло быть. Нарратив появилась позже в связи с воспроизводством личного опыта как социокультурного феномена [1].

В последние десятилетия в научной литературе появились многочисленные попытки классифицировать различные формы использования мифа в литературных произведениях. К характерным признакам литературного неомифологизма, с нашей точки зрения, можно отнести следующие черты. В неомифологических нарративах трансцендентной силой, господствующей над человеком, выступает не мир природы, а конструируемая человеком реальность, вследствие чего мифологическое содержание приобретает преимущественно не героический, а трагический или даже гротескный, трагифарсовый характер. Сюжетная канва современного литературного неомифа часто развивается в ситуации отчужденности, самоуглубленного одиночества персонажа и суверенности его внутреннего мира, вследствие чего отмечается связь неомифологизма с

"психологизмом", внутренним монологом, с литературой "потока сознания". Вместо "культурного героя", несущего людям "блага цивилизации" в литературных неомифологических нарративах на первый план часто выходит "природно-оргиастический" или "экзистенциально-абсурдный" герой, 230 "рвущий пути" цивилизации (в частности, социально одобряемых, общепринятых предписаний морали, смыслов и ценностей) [6].

В настоящее время в философии мифа термин "неомифологизм" является скорее полемическим, чем аналитическим, явно прослеживается концептуальный плюрализм в интерпретациях семантического наполнения данного феномена, определенная хаотичность в совокупности разнообразных (и зачастую взаимоисключающих) представлений об этом культурном явлении. Большинство исследователей подчеркивает, что трансформация первоначального состояния мифа на протяжении столетий привела к определенной смысловой мутации самого термина, поэтому актуальным является уточнение семантики данного феномена, функционирующего в настоящий период.

Сам термин "неомифологизм" был введен для описания ремифологизации культуры и литературы прошлого века Е.М. Мелетинским, согласно взглядам которого категориальной чертой неомифологизма XX столетия является принцип транспонирования, направленный не только на новую редакцию мифологических признаков, но и на их перенос в новое место-время. Неомифологизм может выступать как качество, характеризующее особенности содержания неомифа, и как совокупность принципов и приемов, это качество порождающих (в узком значении неомифологизм понимается как набор стилистических приемов в современной литературе и искусстве).

Рецепция неомифологизма в эпоху постмодерна наделяет его статусом как художественной системы, так и исследовательской стратегии, базирующихся на выработанных неомифологизмом технологиях порождения мифологического содержания. Под неомифом в узком значении понимается особая жанровая форма художественной условности, отмеченная введением отдельных мифологических мотивов или персонажей в ткань реалистического повествования и обогащением конкретно-исторических образов универсальными символами, смыслами и метафорическими аналогиями.

В неомифологизме идентифицируются два основных механизма порождения мифа: аналогизирующий (метонимический) и метафоризирующий, соотносимые соответственно с разными стратегиями интерпретации мифа: партипационной (путь мифологических аналогий) и метафоризирующей (путь мифореставрации). Согласно взглядам С.М. Телегина, мифореставрация является методом анализа фольклорного или художественного текста, включающим выявление в нем мифологического сознания, определение действия законов мифотворчества, установление степени мифологичности текста [8].

Первый способ порождения неомифа направлен на установление аналогий между миром неомифологического нарратива и конкретным архаическим мифом (между современными героями, сюжетными ситуациями и персонажами и сюжетами традиционных мифов), второй – 231 на актуализацию общих схем и закономерностей мифологического мышления путем организации сюжета по образцу юнгианской "индивидуации", введения мифологических персонажей, семантизации или ресемантизации символа или фетиша, актуализации мифологической ситуации, направленной на воспроизведение общих закономерностей, схем, эпизодов не некоторого архаического мифа, проактуализированного в своей конкретике, а общего указания на миф как вместилище архетипов. На уровне сюжетной организации текста этот путь находит воплощение в воспроизведении ритуальных схем (инициации, "индивидуации", "биографии" мифологического персонажа), на уровне образной системы в семантизации и ресемантизации символов, персонажей, ситуаций, репрезентирующих мифологическую реальность [7].

В этой связи Е.М. Мелетинский выдвигает понятие "сюжетных архетипов", составляющих единицы "сюжетного языка" мировой литературы [5]. При рассмотрении проблематики мифоподобных нарративов эти универсальные категории позволяют устанавливать новые связи между литературными явлениями. Обозначенные выше способы порождения неомифологизма направлены на преодоление линейности и/или замкнутости времени, на выход к "безвременному" состоянию.

В сюжетной организации современного неомифологического нарратива прослеживаются аналогии развития жизненной линии протагониста с определенным архаическим образцом [4], с характерными жизненными этапами жизненного пути эпического героя, воплощенными в "биографию" (П.А. Гринцер, В.М. Жирмунский, Дж. Кэмпбелл) или процесс "индивидуации" (К.Г. Юнг). Как подчеркивает Я.В. Погребная, неомиф, сохраняя тяготение к традиционному мифу, стремится к различным инвариантам одногеройности, применяя, например, приемы авторского присутствия или "двойничества" [7].

Таким образом, содержание мифологического транспонирования – сюжет, конструируемый согласно схеме "индивидуации", наличие фантастических мифологических персонажей и/или ситуаций, семантизация и ресемантизация символа или иерофании как способов построения коммуникаций между "пространствами" мифа и литературного нарратива – определяется необходимостью адаптации к неомифу базисных признаков архаического мифа: тождества вымысла и правды, предперсональности героя, цикличности времени. Неомиф постулирует наличие альтернативного инварианта реальности, равноправного с миром действительности. Одногеройность в неомифе имитируется через метатезу или путем отождествления героя и трикстера, читателя и автора. В неомифологический нарратив "вписаны" также принципы и приемы, его формирующие,

поскольку именно они задают "нужный" вектор при интерпретации содержания неомифа. 232

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что, безусловно, из-за исторической дистанции, отделяющей неомифологический нарратив от архаического мифа, и кардинального изменения самого сознания мифотворца в современном неомифологическом нарративе воссоздать в полном объеме все особенности архаического мифа не представляется возможным. Представленный взгляд на понимание соотношения смысловых и формальных структур "древних" и современных мифологических (и мифоподобных) конструктов может иметь свое развитие в исследовании коммуникативно-семиотических особенностей динамики мифопорождения при конструировании опыта личностью в процессе ее развития.

Литература:

1. Гуцол С.Ю. Наратив як провідна дискурсивна практика самопроекування особистості / С. Ю. Гуцол // Наука і освіта. – 2016. Вип. 11. – С. 35–42.
2. Гуцол С.Ю. Психологічні особливості структурних складових неоміфологічного нарративу / С. Ю. Гуцол // Вісник Національного технічного університету України "Київський політехнічний інститут". Філософія. Психологія. Педагогіка : зб. наук. пр. – К. : ІВЦ "Політехніка", 2011. – № 1. – С. 103–108.
3. Лотман Ю. М. Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира : Энциклопедия в 2-х т. – М. : НИ "Большая Российская энциклопедия", 1997. – Т. 2 – С. 58–65.
4. Лотман Ю. М. Литература и мифология / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. – XIII. – Уч. зап. Тартуского ун-та. – Тарту, 1981. – Вып. 546. – С. 37–38.
5. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский // Чтения по истории и теории культуры. – Вып. 4. – М. : РГГУ, 1994. – 133 с.
6. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века : проблемы поэтики / М. И. Мещерякова. – М. : Мегатрон, 1997. – 380 с.
7. Погребная Я. В. Неомифологизм В. В. Набокова : способы литературоведческой идентификации особенностей художественного воплощения : автореф. дисс. на соискание уч. степени док. филол. наук : спец. 10.01.01 "Русская литература" / Я. В. Погребная. – Ставрополь, 2006. – 38 с.
8. Телегин С. М. Философия мифа : Введение в метод мифореставрации / С. М. Телегин. – М. : Община, 1994. – 141 с.